

крис алдер

книга
без
названия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Kris Alder

Книга без названия

«Автор»

2026

Alder K.

Книга без названия / К. Alder — «Автор», 2026

Провал операции в Африке разрушает карьеру американского разведчика-нелегала. Его новой реальностью становится не шпионаж, а жестокий и иррациональный мир московского большого бизнеса с многомиллионными сделками, сложными отношениями и поиском смыслов в чужой среде. Этот роман-рефлексия сочетает психологическую драму, шпионский триллер и любовную линию. Он исследует экзистенциальный кризис человека, потерявшего жизненные ориентиры, — с искренностью и иронией. Напряжение рождается не из погонь и перестрелок, а из медленного погружения в сознание героя, пытающегося собрать себя заново между двух миров. Это история о риске, предательстве, любви и о поиске себя после утраты идентичности. Книга обращена к зрелому, думающему читателю, ожидающему от литературы не только захватывающего сюжета, но и интеллектуальной глубины.

© Alder K., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

35

Kris Alder

Книга без названия

Алдер Крис

Книга без названия

Роман

Карьера. Любовь. Смысл жизни.

Попробуй вернуть всё и сразу.

Забудь, кем был.

Реши, кем станешь.

Глава 3

—

26

Самолёт шёл на посадку. Сбрасывая скорость, пилот перевёл турбины на малые обороты, и в салоне стало тише... Громады туч в отблесках заходящего солнца были похожи на горы из розового нефрита. Из-за них выплыла полная Луна и жёлтым колесом покатила по краю сумрачного покрова. Перистые облачка, словно дым сигареты или призрачный НЛО, пролетали совсем рядом, размывая образ луны, превращая её в светлое мерцающее пятно.

Приближался верхний край облачности, он всё чаще облизывал крыло самолёта. Светломолочный цвет туч приобретал стальной оттенок. Вокруг быстро темнело – то ли от внезапного прихода ночи, то ли от пасмурной тени. Крыло срезало ватную вершину, и мы нырнули в крошечную мглу густого тумана.

Пятница, тринадцатое. Московский международный аэропорт Шереметьево. Подходящее время и место для того, чтобы начать писать новую главу своей жизни.

На паспортный контроль тянулся длинный хвост усталых людей. Рутинная и монотонная работа соскочила индивидуальность с лиц девушек, сидевших в стеклянных кабинках. Периодически слышалось, как они штамповали паспорта прилетевших. Подошла моя очередь. Девушка в окошке внимательно изучала мой паспорт. Долгий взгляд на мою фотографию в паспорте, потом на меня. Я сопровождал улыбкой неспешное перелистывание страниц.

– Вы впервые в России? – девушка с погонами прапорщика скрупулёзно исследовала мою свежую визу.

– Вроде так, – я пытался шутить.

Девушка не реагировала, сурово глядя в монитор, через мгновение поставила штамп. Затем последовало дежурное:

– Добро пожаловать в Москву!

Пройдя по зелёному коридору таможни, попал в здание шереметьевского терминала, ничем не отличающегося от сотен подобных в других странах.

Улица встретила меня назойливыми таксистами и вечерней прохладой. Дорога до гостиницы оказалась долгой. Даже в это позднее время был плотный трафик, но всё же обошлось без пробок. Глядя в окно, я пытался уловить какие-то принципиальные отличия от городских пейзажей других стран – и не находил их, за исключением надписей на кириллице. Чем ближе мы подъезжали к центральной части города, тем более яркими становились улицы, появились подсветки ампирических фасадов и цифровые билборды. Широкие магистрали забиты иномарками, заметно более дорогими и новыми, чем в Париже, сравнение с которым весьма актуально.

Первое впечатление от Москвы – богатый и эклектичный город, что в общем-то логично для имперской столицы.

Для начала мне следовало где-то остановиться. Мой выбор пал на пятизвёздочный отель «Лотте» – на пересечении Нового Арбата и Садового кольца. Этот комплекс с удачным расположением и высокими оценками постояльцев идеально подходил для временного пристанища.

В начале службы, во время командировки в Сеул, мне довелось жить в одном из отелей этой сети. Сервис оставил благоприятное впечатление, умноженное в памяти на азиатскую экзотику. Это воспоминание создавало позитивную основу для новых впечатлений.

—
27

Утром я отправился на завтрак в ресторан отеля. Шведский стол. Я выбрал омлет и кофе. Мой организм ещё не перестроился на другой часовой пояс, и есть совершенно не хотелось. Из-за моей спины к столу подошёл коротко стриженный седовласый господин, чисто выбритый, с лёгким запахом дорогого парфюма.

Широко улыбнувшись, он поприветствовал меня на русском:

– Привет, шпион!

Потом, довольный произведённым эффектом, плюхнулся в кресло напротив. Протянув через стол ладонь, предъявил пароль и представился:

– Я ваш контакт, Крис, со стороны известной вам организации. Меня зовут Константин Андреевич. Будем работать вместе.

Я тогда не знал действительно ли его звали Константином и тем более Андреевичем, как и его фамилию. Но то, что он в своём праве, сомнений не возникло. Дорогой и элегантный костюм с галстуком, часы толщиной в половину моей руки, безукоризненная выправка – всё это не главное.

С давних пор я опознаю коллег по цеху по причёске. Точнее, по тому, как подстрижены волосы над ушами. Люди моей профессии в любой стране палятся на том, что, даже выйдя в отставку, не позволяют волосам пересекать верхний край ушей. Не все, конечно. Например, я этим правилом стал пренебрегать, как только начал работать под прикрытием. Константин Андреевич был подстрижен по уставу, а своими гусарскими замашками больше походил на представителя контрразведки.

Мы дружески потрепались около часа, обсуждая предстоящее сотрудничество. Коллега продиктовал свой телефон, дал мне местную симку для связи и ушёл, обещав вернуться. Уже уходя, спросил, нужна ли помощь в организации быта и трудоустройстве. Получив благодарственное «нет», растворился в нарождающемся дне.

На первый день у меня были назначены визиты в три кадровых агентства по подбору топ-менеджеров. По легенде, я искал вакансию финансового директора в крупной российской компании.

Моя мотивация – быстрая карьера и подготовка материала для научной работы по теме «Психология финансов на развивающихся рынках». А искать место в отсталых странах, имея хороший русский, было бы странно.

Собеседования проходили на русском, с переходом на английский, когда обсуждались профессиональные вопросы. Меня сильно удивила глубина понимания рекрутерами задач финансового директора. Но впечатление о себе как опытном специалисте в области управления финансами мне удалось создать. Помогало преимущество в свободном владении английской терминологией. По итогу можно было ожидать предложений по вакансиям. В качестве контактного телефона я дал тот, что на симке от Константина Андреевича.

Вечером я хотел сходить в театр и, купив билет в театральной кассе, попавшейся в центре, отправился на спектакль. В Москве, наряду с продажами в интернете, сохранилась и эта архаичная форма доступа к искусству.

С трудом досидел первый акт и отправился ужинать. Всё же моё знание языка пока не позволяло воспринимать русскую культуру в её чистом виде.

Примерно в таком же ритме пролетел остаток недели. Пару раз созвонился с Константином, по его предложению перешли на ты, несмотря на разницу в возрасте. Передали тестовые сообщения в оба конца.

И я завис в межвременье.

Ничего не происходило. Вначале это радовало – такого полноценного отдыха у меня не было со школьных времён, наверное. Я даже перестал употреблять алкоголь.

Было много впечатлений, я тратил всё своё время на погружение в культурную среду и абсолютно не испытывал никакого стресса. Москва оказалась весьма дружелюбным городом. Слыша мой акцент, люди старались помочь, даже если куда-то спешили.

А торопятся здесь все и всегда, даже ночью. Как ни банально это звучит, но Москва – неспящий город. Я это отчётливо осознал, когда стоял в пробке на Тверской в два часа ночи!

В одном из разговоров Константин, почувствовав мою отрешённость и расслабленность, спросил:

– Ты на работу-то устроился?

И, получив отрицательный ответ, порекомендовал:

– Раз ты пока бездельник, познакомься с себе подобными – буржуями. Легче будет адаптироваться к тяжёлой российской действительности.

По его совету я стал проводить вечера на Патриарших прудах и в Москва-Сити. Это традиционные места тусовок экспатов. У москвичей принято фривольное отношение к топонимам. Я редко слышал в разговорах официальные названия этих мест, чаще Патрики и Сити. Но иногда в отношении Москва-Сити ещё употребляли – Сидней, башни или стаканы. Также чаще Кутузовский проспект именовали Кутузой, а Новый Арбат – книжки, особенно если речь шла о нечётной стороне.

—

28

Моё знакомство с Ниной произошло одним из первых. Отдавая дань её яркой внешности и темпераменту друзья звали её на грузинский манер Нинó. За глаза её иногда называли Нано, имея в виду её миниатюрность и креативность.

Я пришёл поужинать в «№13». Проходя к своему столику, случайно встретился с Нинó взглядом и на мгновение завис, очарованный её красотой. Этого хватило, чтобы неловко столкнуться с ней в проходе. Улыбнулись, я извинился, мы разошлись. Проводив девушку взглядом, я пересел за другой стол поближе к её компании и весь вечер смотрел только на Нинó. Её движения отличались исключительной женственностью, особенно когда она поправляла свои тёмные кудри. Когда её застолье подходило к концу, я улучил момент и, поймав Нинó на выходе, предложил ей выпить со мной кофе.

Она согласилась. По её выбору мы пошли в кофейню, на Малой Бронной, на углу у Патриарших.

Нинó работала в сетевом рекламном агентстве креативным директором. Именно она отвечала за привлечение клиентов. Бизнес в России всегда был очень мужским, и руководителями ключевых бизнес-направлений крупных компаний были, как правило, мужчины репродуктивного возраста. Размер груди и милое личико собеседницы для них часто имели определяющее значение при принятии решений.

Это ни в коей мере не умаляло талант и трудолюбие Нинó. Она обладала по-мужски жёстким умом и в бизнесе действовала, как бульдозер, опускала ковш и гребла, пока не кончится топливо, а у неё оно не заканчивалось никогда. Но то обстоятельство, что она ко всему была ещё и сексуальной женщиной с потрясающими лицом и фигурой, делало её оружием массового поражения в рекламном бизнесе.

Ах, какие рекламные кампании разрабатывали её креативные команды! Даже не будучи специалистом в этой области, я понимал их незаурядность. На фоне сплошного потока рекламы «дебилов о дебилах и для дебилов» кампании Нинб всегда отличались высоким вкусом, метафоричностью и аллегоричностью. Её ведущая команда редко занималась товарной рекламой, но как только речь заходила о продвижении значимого бренда, все пути приводили к ним. В тот вечер, когда мы познакомились с Нинб, они отмечали победу в одной из номинаций международного рекламного конкурса.

На третий день знакомства с Нинб мы проснулись вместе в моём гостиничном номере и весь день не вылезали из постели. Нинб, чтобы не идти на работу, сказала, что больная и в каком-то смысле не соврала. Мы стали много времени проводить вместе, но в дальнейшем спать она предпочитала у себя дома, уезжая от меня иногда далеко за полночь.

А в башнях я познакомился с Лукой. Точнее, он сам познакомился со мной. Его настоящее имя Лукас, но он всем представлялся на русский манер Лукой. Я зашёл в магазин купить ещё десяток рубашек, чтобы не морочиться стиркой каждую неделю.

Широко улыбаясь, он подошёл ко мне и протянул руку, чем весьма меня озадачил.

– Привет! Меня зовут Лука. Ты недавно в Москве? Американец? – заговорил он на хорошем английском с немецким акцентом.

Увидев моё недоумение, сбавил обороты:

– Ты извини меня за назойливость. Просто некому нас тут представить друг другу. У меня глаз намётан на экспатов, и я люблю заводить друзей среди неофитов. А работаю я в башне «Федерация», – он назвал компанию и начал тараторить про то, чем он там занимается.

– А с чего ты решил, что я американец и недавно в Москве? – заинтригованно ответил я ему на русском.

– Вау! У тебя шикарный русский! Но у тебя лицо и манеры американца, – на русском его немецкий акцент был менее заметен.

– Становится интересно. А можно конкретнее?

– Без проблем, – рассмеялся Лука. – Последи за своими руками. Одна в кармане, когда показываешь на что-то второй, то открытой ладонью. А лицо вообще никуда не годится. Что ты лыбишься продавцу? Он что, твой друг? Ну и одежда не нашего пошива, «дюймовая».

– Ты забавный! – я улыбнулся.

Этот парень мне определённо нравился. Я пригласил его выпить кофе, и мы очень быстро подружились. Лука ко всему относился легко, он улыбался миру, а мир улыбался ему. В его обществе я всегда испытывал позитивный настрой.

Лука жил в России почти два десятка лет. За это время он успел дважды жениться, и оба раза на русских девушках. У него было трое детей. Первая жена с сыном уехала в Германию. А вторая даже думать об этом не хотела. Сам он уже давно ощущал себя русским и ситуацию в России понимал лучше, чем где-либо в Европе. Он был полностью доволен своей жизнью. У него были любящая семья и хорошая работа.

– Я ведь специально не избавляюсь от акцента, – говорил он мне. – За него мне платят чуть больше, чем моим русским коллегам.

Я рассказал Луке о своих намерениях найти работу в Москве и собрать материал для диссертации.

Он с энтузиазмом взялся мне посодействовать и в тот же день позвонил:

– Крис, я нашёл тебе работу в своей компании. Это временный контракт консультанта, но платят хорошие деньги. А там как пойдёт.

Я с благодарностью согласился на его предложение.

Лука был партнёром в консалтинговой компании, как он изящно выразился, «из большой десятки, без большой четвёрки». Компания являлась формально российской, но её связи с международной сетевой группой легко гуглились.

В ведении Луки был аудит. Встречу с партнёром, отвечающим за слияния и поглощения, он организовал на раннее утро. Пришлось перестраиваться, отвыкать от вольного режима и свободного стиля в одежде.

К назначенному часу я был на входе компании, откуда меня проводили в переговорную.

С шестидесятого этажа восточной башни открывался великолепный вид на Дом правительства и Кремль. У меня захватило дух от этой картины.

Неслышно зашёл коллега:

– Вот за этот вид с нас и дерут запредельную стоимость аренды. Но мы не жалуемся, а перекладываем её на клиентов.

Мы пожали друг другу руки и представились.

Коллегу звали Алекс, у него были восточные черты лица, но родился он в Москве. Это частое явление в России – Советский Союз был Родиной для многих наций. Во времена СССР произошло большое кровосмешение и миграция народов.

Компания, в которой трудились Лука и Алекс, специализировалась на стратегическом консалтинге в медиа, телекоме и айти. В момент нашего знакомства у них шли переговоры по поводу продажи компании-производителя тематических телевизионных каналов и сериалов. Владельцы собирались продать основную часть актива, оставив себе только производство сериалов для одного из эфирных каналов. В дальнейшем они хотели избавиться и от этого бизнеса, понимая, что он держится исключительно на дружеских отношениях с программным директором канала.

Алекс начал издали:

– Давай я тебе расскажу анекдот о том, чем мы тут занимаемся?

– Ну, если у тебя есть время.

– До пятницы я абсолютно свободен, – пошутил Алекс. – Ты знаешь, кто такая Красная Шапочка?

Я кивнул.

– Тогда вот тебе суть бизнеса слияний и поглощений по-русски. Идёт Красная Шапочка по лесу к бабушке, а навстречу ей Серый Волк, который останавливает её со словами: «Ну что, шапка красная, у тебя только два варианта – слияние или поглощение».

– Довольно неожиданная концепция, – улыбнулся я.

– Я это к тому, что сделки, которые мы сопровождаем, редко бывают дружескими. Русский бизнес вообще достаточно жёсткий, но когда речь идёт о перераспределении активов, то он становится экстремально жёстким.

Алекс отхлебнул кофе и, не моргая, уставился на меня. Возникла немая пауза. Я тоже глотнул своего капучино в ожидании продолжения.

– Лука говорил, что ты не из пугливых. Но я должен тебя предупредить, что в нашей стране консультант отвечает за свои советы. Поэтому, входя в проект по продаже актива, тебе прежде всего нужно усвоить и принять правило: меньше говори, больше слушай и никогда не принимай чью-то сторону. Наше мнение по сделке никого не интересует. У продавца и у покупателя полно народа, который разложит им все варианты и посчитает финансовый результат. Наша задача – не учить их, что делать, а провести арбитраж. То есть исключить ошибки и наебало.

– Не понял последнее.

Алекс рассмеялся.

– Русский непере译имый фольклор. Это слово означает умышленный обман, отягощённый цинизмом. Мы не предлагаем решение, мы только подтверждаем объективность доводов

сторон. А принимать доводы друг друга или нет – их дело. Это сильно отличается от того, что делают наши коллеги на Западе.

Я согласно кивнул.

– Я предлагаю тебе выступить своего рода внешним независимым арбитром в процессе оценки продаваемой компании.

Далее он в общих чертах рассказал о текущем состоянии переговоров и охарактеризовал участников. Из его описания я понял, что они в некотором смысле оказались в тупике.

Стороны не согласны с оценками друг друга, и разрыв составляет около четверти цены. Желание продать и купить сохраняется, но двигаться навстречу никто не хочет. Нужна новая идея, чтобы перезапустить переговоры и придать им новый импульс.

Алекс хочет представить меня как зарубежного специалиста с большим опытом в этой области, чтобы показать участникам среднюю компромиссную цену как объективную, определённую методически.

– Ты, как специалист в области психологии финансов, понимаешь, что цена сделки всегда субъективна. Любую финансовую модель с помощью технических параметров можно подкрутить в два раза в любую сторону. Поэтому верхняя цена от нижней может отличаться на порядок. Хорошая сделка – это когда обе стороны считают себя немного обманутыми.

Я не возражал. Задача казалась понятной и нехлопотной. Мы сговорились о почасовой оплате и премии за успех – разовой выплате в случае закрытия сделки. На следующий день я приступил к изучению материалов.

—
30

Постепенно у меня сложился определённый ритм жизни, и время снова потекло своим чередом. Иногда я ходил на интервью в разные компании. Некоторые казались неинтересными мне, другим не подходил я.

Собеседование с кандидатом на вакансию – одна из форм переговоров, а переговоров на моём веку было немерено. Доводилось проводить и допросы, но этот опыт не применим для процесса найма сотрудника, даже со стороны работодателя. Самое главное для кандидата на собеседовании – правильно установить на своей физиономии правильный уровень наглости. Забитые и неуверенные в себе топ-менеджеры не пользуются спросом. Но и оборзевшие донельзя подчинённые тоже не вызывают радости у работодателя. И ещё на ноль нужно вывести снобизм. Даже на глупые вопросы следует отвечать без кислого выражения на лице и подчёркивания своей образованности.

Основное время я тратил на проект Алекса, но пока всё сводилось только к работе с документацией, без какого-либо общения с участниками сделки.

А все вечера и выходные я проводил с Нинó, когда она бывала свободна. Рядом с Нинó у меня возникало непривычное ощущение своей вторичности. Московские мужчины, не скрываясь, пялятся на красивых женщин, а уж Нинó ни один не пропускал взглядом. Это меня не только забавляло, но и создавало определённый дискомфорт. Потому что после визуальной оценки её фигуры мужской взгляд переключался на меня, и в нём явственно читался вопрос – что это за хмырь с такой классной девчонкой?

Подобный интерес к моей персоне напрягал, потому что раньше у меня не было опыта нахождения в центре внимания, скорее наоборот, работа заставляла меня быть незаметным.

Нинó вела богемный образ жизни, но категорически избегала гламурные тусовки. Даже когда ей по работе приходилось посещать такие мероприятия, она не брала меня с собой и сбегала с них при первой же возможности. Она тяготела к арт-пространствам «Винзавода», «Флакона», «Гаража». Но мы так же много ходили по музеям и театрам.

Московская музыка, благодаря Нинó, в моей памяти связана не только с филармонией, но и с клубами «16 тонн», «Москва», «Джао Да» и названиями мест, которые прямо не ассоциируются с музыкой типа «Грузовик», «Убежище»...

А ещё у московского музыкального андеграунда есть форма самовыражения – квартирники. Нинó ввела меня и в этот круг. История музыки для друзей начиналась в диссидентские времена. Коммунисты были весьма консервативны во всех формах искусства, но рок в музыке и сюрреализм в живописи особенно недолюбливали, загоняя их в подполье.

Интеллект советской власти как-то дотягивал до покрытых патиной филармонической музыки и музейной классической живописи, но разбивался напрочь о рифы поп-арта, контркультуры и постмодерна. В современности они оставляли место исключительно соцреализму во всех его проявлениях. Кстати, за время работы в России я собрал неплохую коллекцию позднего соцреализма, периода оттепели, когда он был под влиянием минимализма.

Мы много говорили с Нинó об искусстве. Я тогда не во всём соглашался с её неординарными взглядами, но по прошествии времени ловил себя на мысли, что, осмыслив, принимал их как свои. За всеми её рассуждениями в области творческой деятельности скрывалась не искусствоведческая пурга, а жёсткая математика рекламиста.

В чём мы категорически не сошлись во мнениях, так это по антиквариату. Я не люблю старые вещи. Мне физически неприятно трогать то, что замызгали за сотни лет до меня, а потом измазали слюнями восторга более поздние обладатели. А Нинó видела в антиквариате артефакт, несущий накопленную годами энергию. Она проводила аналогию с намоленными иконами, отмечая присутствие у антиквариата тех же смыслов, за исключением сакрального.

Как-то во время посещения Пушкинского музея перед картиной Боттичелли «Благовещение» она спросила меня:

– Ты чувствуешь энергетику этой картины?

– Нет, не чувствую. Да и её техника мне кажется более скудной, чем в «Благовещении» Боттичелли в Уффици, хотя эта его работа более поздняя.

– Я не о том, – Нинó отошла от картины на шаг и обхватила пальцами подбородок. – Представь, сколько взглядов было устремлено к этому полотну и какой объём эмоций выплеснулся на него за прошедшие века.

Она повернулась ко мне.

– Любая вещь подобна губке, впитывающей людскую энергию, и не только того, кто её создал. Предметы могут нести отпечатки человеческих душ, сохранять их смыслы через века.

Нинó тогда не удалось убедить меня, но её доводы прочно врезались в мою память.

—

31

Спустя неделю участия в проекте я постепенно начал понимать, в чём проблема, препятствующая сделке. Нынешние владельцы компании и потенциальный покупатель демонстрируют свою упёртость не по рациональным соображениям, а скорее из-за отсутствия людей, готовых взять на себя ответственность за компромисс. Других причин торможения сделки я не обнаружил.

Обсудив это с Алексом, я попросил его рассказать, как велись переговоры. Выяснилось, что они всегда проводились в его офисе, в сопровождении кучи народа с обеих сторон.

– Они, как азиаты, всегда какими-то безумными толпами приходили. Что те, что другие. Видимо, чтобы выпить весь запас нашего кофе.

– Алекс, а давай займёмся челночной дипломатией? Подвинем позиции сторон, но по отдельности. Я предложу им компромиссную цену как расчётную и обоснованную прецедентами.

Это как раз то, чего так хотел избежать Алекс. Но поскольку мне отводилась роль чужеземного гастролёра, представляющего как бы зарубежный опыт, это не накладывало на ком-

панию Алекса ответственность за объективность ценообразования. Это мнение зарубежного чудака, которое можно принять к сведению, а можно просто забыть. Поэтому, уточнив детали моей стратегии, Алекс согласился.

Сначала мы презентовали своё видение продавцам. Алекс представил меня высококлассным специалистом в области продажи компаний, выписанным им специально для этой сделки из Америки.

Я старался говорить с ярко выраженным акцентом, допуская ошибки в речи. Этот цирк выглядел вполне убедительно. А поскольку использованный мной метод был не традиционным и мало описанным в литературе, местные финансисты больше молчали, задавленные моим авторитетом, непомерно раздутым Алексом.

Согласовав наше предложение с продавцами, мы отправились с этим балаганом к покупателю. Тут нас сначала ждало разочарование. Покупателем был большой многопрофильный холдинг. Мнение по сделке формировало несколько групп влияния с разнонаправленными интересами. Полностью разобраться в этой Византии мне так и не удалось, хотя Алекс и предпринял несколько попыток разъяснить мне суть их интриг.

По итогу нескольких встреч удалось достичь понимания нашего предложения, но никто не хотел брать на себя ответственность за коррекцию переговорной позиции.

В какой-то момент Алекс начал психовать:

– Вот уроды! Отсиживают свои жопы за офигеть какие зряплаты и ни за что не хотят отвечать.

Он топтался у окна своего кабинета, стуча кулаком по стеклу. Стекло, конечно, бронированное, но эти удары всё равно вызывали у меня внутреннее беспокойство.

– Алекс, не психуй! Рано или поздно они созреют. Ведь сделка для них вкусная. Если упустят, найдётся другой покупатель.

– Не смехи, Крис. И они, и мы знаем, что сейчас на российском рынке нет аппетита на медийные активы. Вот они и выделяются. Это может продолжаться бесконечно, если не случится чудо.

И чудо случилось. Колёсики внутри этого левиафана провернулись, и подошло время готовить полугодовой отчёт. Тогда вдруг выяснилось, что существует план по приобретению активов и он не будет выполнен по полугодию. Тут-то все и забегали.

Согласование цены прошло на удивление быстро и гладко. Договор о намерениях подписали тоже в ускоренном темпе. Но главная проблема была ещё впереди.

—

32

Нино улетела на какой-то фестиваль, оставив меня одного в плавившейся от жары Москве. Она звала меня с собой, но проект шёл непредсказуемо, и даже один день отсутствия мог привести к провалу. Я не имел права так рисковать.

Мы созванивались каждый день, но это были короткие пустые разговоры. В какой-то момент я почувствовал её отстранённость, и это мне не понравилось.

В четверг вечером после работы мы традиционно встретились с Костей, чтобы выпить пива. А когда накатило чуть больше обычного, начали обсуждать личную жизнь. Он рассказал про свою жену и детей, даже показал фотографии. Такая откровенность стала для меня неожиданной.

– Ты не нарушаешь каких-то правил, делясь личной информацией с американским шпионом? – вполухотку спросил я.

В ответ Костя, тоже посмеиваясь, ответил:

– Правила придуманы для того, чтобы их нарушать.

Когда дошла очередь откровенничать до меня, я рассказал ему про наши отношения с Ниной. Костя посерьёзней.

– Я, кажется, знаю её, – и назвал фамилию Нины. – Не сверни себе шею, ковбой. Эта кобылка не потерпит уздечку.

Я несколько удивился этой реакции Кости. Во-первых, я был полностью уверен в том, что нахожусь под постоянным наблюдением, и что мои отношения с Нинó не являются для него новостью. Во-вторых, хоть и называют Москву большой деревней, но то, что Костя знает Нину не через меня, тоже показалось странным.

Я не стал темнить и прямо спросил:

– Откуда ты её знаешь?

– Ты будешь весьма удивлён, но я хорошо знаю её родителей. А саму Нинку таскал на руках, когда она была ещё ребёнком. Больше я тебе ничего не скажу. Ты взрослый мальчик, думаю, сам разберёшься. Только один мужской совет – не спеши.

Больше мы к этой теме не возвращались и расстались на весёлой ноте. Вспомнил я этот разговор на следующее утро и весь день не мог сосредоточиться на чём-то другом. Костя не интриговал, но явно недоговаривал.

От чего он пытался меня предостеречь?

К моменту возвращения Нинó из командировки я уже подзабыл о своих размышлениях. Но, вероятно, именно они и толкнули меня на мальчишеский поступок: я решил сделать сюрприз Нинó и встретить её в аэропорту. Я знал её рейс и к моменту посадки самолёта стоял с цветами у выхода из зоны прилёта.

Не заметить её невозможно. Как подсолнухи к солнцу, все мужские взгляды повернулись к ней, как только она вышла.

Рядом, полуобняв её за талию, шёл высокий парень, которого я раньше никогда не видел. Я не окликнул Нинó, а пошёл за ними на улицу. Они сели в такси и уехали вместе. Я не стал следить за ними и вернулся домой.

Нинó позвонила только поздно вечером и, сославшись на усталость после перелёта, перенесла встречу на следующий день.

Увиденное в аэропорту не вызвало у меня сильных эмоций. Видимо, подсознательно я был готов к этому. В вопросах флирта я достаточно искущён и знаю, что женщина позволяет мужчине, в каких обстоятельствах, что этому предшествует и что после этого ожидается.

Язык тела выразительнее и честнее слов.

Для Нинó соблюдение всех условностей было обязательным, и она никогда не позволяла себе фривольного поведения, тем более на публике.

Переспали они или только собираются – не имело никакого значения. Но стало любопытно – это проявление сексуальной свободы, эгоизма или склонности к полигамии?

Я считал, что это, скорее всего, обратная сторона гиперсексуальности Нинó.

Может быть, об этом и хотел меня предупредить Костя?

Но я и сам понимал, что моя женщина имеет психологические особенности, делающие её в высшей степени творческой натурой и крайне притягательной для мужчин. Но именно те же её качества давали основания считать её потенциальным клиентом психиатра.

Я, конечно же, видел, что Нинó постоянно находится под прицелом неспровоцированного мужского вождения. По причине своей эмоциональной восприимчивости она, безусловно, это остро чувствовала. И эта постоянная наэлектризованность неизменно приводила её к необходимости сексуальной разрядки, как наркомана к дозе.

Когда я был с ней, то получал дополнительный кайф, пропуская через себя это электричество. Но в глубине души понимал, что она не способна его долго аккумулировать. К тому же со временем наступит привыкание, моя эффективность будет снижаться. И теперь я получил подтверждение своим опасениям.

Странно, но новые обстоятельства не вызвали у меня ни ревности, ни разочарования. Более того, они не изменили моё отношение к Нинó. Должно быть, я изначально не рассчитывал на какую-то исключительность в её жизни.

—
33

Сделка вошла в завершающую фазу, и на авансцену вышли юристы. Тут я понял, почему договор о намерениях был подписан так легко, – в нём не было многих важных деталей проведения сделки. И как только юристы всерьёз взялись за их обсуждение, опять появилось ощущение, что всё пропало.

Узнав про очередной юридический затык, Алекс начинал материться и орать: «Я не знаю, как сложится моя дальнейшая жизнь, но точно знаю, что мои дети никогда не будут юристами!» Но чтобы не испортить всё своей вспыльчивостью, он просил меня уладить вновь возникшие разногласия.

К концу лета мы вышли на финишную прямую и вдруг неожиданно, как в стену, упёрлись в вопрос гарантий.

Обе стороны были непреклонны и бескомпромиссны. В какой-то момент я почувствовал полное бессилие и готовность смириться с поражением. Шла уже вторая неделя согласований, и чем дальше, тем очевиднее становилось, что решение не будет найдено.

В один из унылых вечеров, размышляя о происходящем, я задумался о том, что могло бы подтолкнуть стороны к быстрому завершению сделки. Совершенно ясно, что положение продавцов более уязвимо. Они тщательно скрывали факт переговоров, потому что если это выплывет наружу, то они уже не смогут соскочить. В случае срыва сделки никакой альтернативы им никто и никогда не предложит, а кредиторы начнут пересматривать условия соглашений в сторону ухудшения, предполагая проблемы. Значит, утечка сделает их намного сговорчивее.

Но и покупатель шифруется.

Почему?

Покопавшись в сети, я нашёл ответ. Холдинг активно консолидировал медийные активы. А эта сделка уже приводила к нарушению антимонопольного законодательства, поэтому проводилась не напрямую, а через прокладку. Если это выйдет наружу, то в них вцепится антимонопольная служба, и всё пойдёт сложно и криво. Конечно, будет около месяца, чтобы их не ухватили за хвост, но действовать нужно будет очень быстро.

Получалось, что слив информации может не только подстегнуть обе стороны к быстрому завершению сделки, но и может разрушить её окончательно. И никто не способен с уверенностью предсказать исход.

Что меня толкнуло ввязаться в эту авантюру?

Не знаю. Возможно, опять мной двигало мальчишеское неприятие проигрыша, что окончательно девальвировало меня как профессионала в разведке.

На следующий день, лёжа с Ниной в кровати и обсуждая её очередные успехи, я как бы невзначай спросил про её кампанию:

– В таком грандиозном проекте наверняка должна быть пиар-поддержка. Вы это делаете сами?

– Конечно сами! – с некоторым недоумением ответила Нинó.

– Познакомь меня с человеком, который у вас этим занимается.

– Зачем тебе?

– У меня есть компания, желающая представить свои услуги на российском рынке, но сделать это средствами пиара, а не рекламы.

– Мне нужно знать подробности?

– Тебе мало своих проблем? Да и не буду я использовать твоего человека, просто узнаю, как размещается заказуха. Но не раскрывай меня, кто я и откуда.

На следующий день мы пообедали втроем: я, Нинб и Алина – начальник пиар-отдела в агентстве Нинб. Как выяснилось, они подруги. Не знаю, насколько откровенна Нинб относительно нашей связи, но Алина весь разговор сверлила меня пристальным взглядом. К десерту её прорвало, и она блицем начала выпытывать мою биографию. Я ей наплёл, что сибиряк, из семьи сосланных литовцев, и всё в таком же духе. А зовут меня Андрей, про фамилию умолчал.

Нинб слушала всё это с полуоткрытым ртом, а в глазах у неё прыгали черти.

Потом она допытывалась у меня:

– И что же ты такое затеял, Андрюша?

С Алиной я условился на дополнительную встречу вдвоём, «чтобы не грузить Нину своими проблемами». И в ходе очередного обеда получил у неё пару контактов наиболее самостоятельных журналистских перьев в деловых изданиях.

Ещё я ей «по секрету от Нины» сообщил, что собираюсь их коррумпыровать, поэтому не хочу ссылаться на них обеих:

– От кого мне тогда лучше представиться?

Алина наморщила лобик и выдала неожиданное:

– Сошлись на секретаря Медиасоюза. Журналиги принимают стойку послушания, когда к ним посылают из официоза.

Финальным актом стал разговор за завтраком с милой девушкой Викторией из ведущего делового издания. Поводом была пиар-подготовка выхода на рынок новой сибирской компании по деревообработке, а вскользь я упомянул о якобы услышанной случайно беседе о продаже нашего многострадального медийного актива. Тут она в меня и вцепилась бульдожьей хваткой. Я ей сдал всю необходимую фактуру и взял обязательство ни при каких обстоятельствах не упоминать нашу встречу и не ссылаться на меня как на источник, «иначе меня вышлют из Сибири в Литву».

Перед сном я подумал, что, может быть, на всякий случай забронировать билет куда-нибудь в Европу. Но очень хотелось спать, и я не стал заморачиваться.

—

34

Утро меня встретило раскатами грома и в прямом, и в переносном смысле. На улице лил дождь, гремело и сверкало.

Разбудил меня не будильник, а телефонный звонок Алекса:

– Приезжай быстрее! У нас катастрофа!

В принципе, я был готов к росту напряжённости, но то, что увидел, никак не ожидал. Весь офис стоял на ушах, повсюду гвалт и шум, все бегали туда-сюда, и во всей этой суматохе заметил много незнакомых лиц. Я прошёл в кабинет Алекса, но похоже на то, что остался незамеченным даже его ассистентом. Алекса нигде не нашёл.

Обойдя весь офис, я, наконец, увидел его за стеклом дальней переговорной. На входе меня остановили здоровенные охранники, но Алекс махнул рукой, и меня пропустили.

Войдя и поздоровавшись со всеми, я поинтересовался: «А что здесь происходит?»

Оглядевшись, я удивился, что переговорка полностью забита людьми. Я впервые увидел всех бенефициаров сделки вместе.

Ответил Алекс:

– Ты, наверное, не читаешь наши газеты? Сегодня вышла статья, в которой раскрываются детали нашей сделки. Это огромный репутационный урон не только для обеих сторон, но и для нас. Сама сделка теперь под вопросом. Мы пытаемся разобраться, от кого была утечка, и наказать виновного.

– Хорошенькое дело, а почему это происходит здесь и с таким шумом?

– С утра все приехали к нам, не сговариваясь. Ну и решили разбираться тут, не откладывая.

– Простите, я, может быть, чего-то не понимаю, но почему такая паника, и причём тут репутация уважаемых сторон? Кто-то может мне объяснить, в чём видит проблему каждой из сторон? Тогда будет проще её устранить, а не тратить все силы на поиски виновных.

Я ожидал, что мне изложат те доводы, которые ранее сформулировал сам, но слышал то от одних, то от других ничего не объясняющие, невнятные эмоциональные рассуждения. Так даже лучше.

– Из сказанного следует, что проблема не в утечке, а в том, что она произошла раньше сделки. Я вас правильно понял?

Ответом были нестройные голоса.

– Тогда давайте разделим задачу на поиск виновных и решение проблемы. С первой задачей, полагаю, вы справитесь самостоятельно. А для решения второй у нас есть целый рабочий день. Достаточно закрыть сделку сегодня, чтобы в завтрашних изданиях появилось сообщение о ней, правильно расставляя акценты. До какого часа нужно разослать пресс-релизы, чтобы новость попала в завтрашние выпуски?

Из угла покупателя послышалось:

– В «Ведомостях» дедлайн в 18, а у «Коммерсанта» в 21.

– Тогда предлагаю всем разойтись, а здесь оставить только юристов, и никуда их не выпускать, пока полностью не согласуют текст договора. Давайте закроем сделку сегодня, и всем будет счастье!

– А если не согласуют, то вывести во двор и расстрелять! – то ли в шутку, то ли всерьёз выдал один из продавцов.

Накал страстей спал, постепенно все посетители разъехались, оставив после себя мусор, перепуганный офисный планктон и взятых в заложники юристов.

К обеду договор со всеми приложениями был полностью готов и даже подписан. Начали трудиться пиарщики, согласовывая совместный пресс-релиз.

К вечеру кризис полностью купировали. В номера деловых изданий поставили проплаченные статьи. Под одной из них стояла подпись моей знакомой журналистки.

Уже в ночи мы пили в кабинете Алекса, и он рассказывал Луке, как я спас его жопу.

Вошла ассистентка Алекса:

– Александр Давидович, я могу уйти, или вам ещё что-нибудь нужно?

– Иди, Маша, мы сами тут разберёмся.

Офис полностью опустел и затих на излёте этого сумасшедшего дня. Допив вторую бутылку виски, разошлись и мы.

Пиная лужи, я побрёл в гостиницу пешком, чтобы немножко проветриться и успокоиться. Мимо по Москве-реке проплывал речной трамвайчик, играла музыка, на палубе танцевали.

В душе полная пустота, выжженная эмоциями сегодняшнего дня. Хотелось всё бросить и уплыть на этом весёлом кораблике в никуда.

Только сейчас я понял, по какому краю прошёл со своей авантюрой. Страшно не было, но жёг стыд от глупости содеянного. Я рисковал провалом основной миссии, благополучием давших мне работу Алекса и Луки, да и сам не получил никакой выгоды от этого дела.

С другой стороны, для всех всё закончилось хорошо. Все остались довольны исходом. Значит, мой риск себя оправдал, а победителей не судят.

—
35

Мы лежали с Ниной в постели, и я через соприкосновение наших тел ощущал, как по-разному течёт наше время.

После успешного закрытия сделки я уже вторую неделю бездельничал, а у Нинó был самый горячий период. Через неделю начиналась рекламная кампания, самая крупная для её агентства в этом году.

Нинó пришла ко мне поздно вечером, взвинченная и очень нервно реагирующая по любому, даже пустяковому поводу. Но потом я дважды довёл её до точки, и она успокоилась.

Мы незаметно перешли на философские разговоры. Я очень любил поговорить с ней после секса. Это приводило меня к интеллектуальному оргазму. Я получал от неё два в одном, и умственный, наверное, был для меня важнее физического.

Нинó перебирала пальцами мои волосы, как будто пытаюсь проникнуть в мои мысли. Изредка между словами она прикасалась губами к щеке, лбу или носу, избегая поцелуя в губы. В какой-то момент мы снова вышли на дихотомию живого и неживого.

Её речь проникала в сознание, будто бы не через слух, а подобно внутреннему голосу:

– В детстве мы одушевляем весь окружающий нас материальный мир, приписывая сознание предметам и вещам. Становясь взрослыми, люди, напротив, чаще овеществляют живое. Домашние животные переходят из разряда членов семьи в имущество, которое подлежит разделу при разводе. Дерево, растущее под окном с самого твоего детства, вдруг кому-то перекрывает свет в окне и в один миг превращается в дрова.

С годами люди перестают ценить жизнь – и свою, и чужую. Закономерно, что в какой-то момент они её теряют за ненужностью. Наверное, люди могли бы жить вечно, если бы дорожили жизнью, принимая её как высший Божий дар.

Она пристально посмотрела в мои глаза:

– В чём для тебя смысл жизни?

– Я не задумывался об этом.

– Пришло время задуматься.

А действительно, в чём смысл моей жизни?

Не могу решить даже, с чего начать. Нужно взять подсказку у друга:

– Нинó, а в чём для тебя заключается смысл жизни?

– Для меня смысл жизни в любви. Любовь – это жизнь. Больше любви – больше жизни.

– Тогда и для меня тоже.

Я подтянул её к себе поближе.

– Пошляк, я не про секс.

Она наконец-то подарила мне поцелуй в губы.

– Близость мужчины и женщины – подмножество любви, но не вся любовь. Это только ступенька на пути к её вершине. А некоторые выбирают вообще иной путь.

Я прижал её к себе. Её тело отозвалось трепетом.

– Крепче! – попросила она.

Я сжал её в объятиях так, что у неё на мгновение перехватило дыхание.

– Ты женишься на мне? – еле слышно спросила Нинó.

– Нет.

– Я так плоха?

– Нет, скорее потому, что лучшее – враг хорошего.

– Что ты имеешь в виду?

– Секс. Тут твои непревзойдённые достоинства – следствие недостатков.

– Не понимаю...

– Ты красива, сексуальна, легко возбудима, чувственна. В общем, секс – твоя стихия. Мне к тебе охрану приставить, если ты станешь моей женой? Или смириться с ветвистыми рогами?

– Ты не веришь в мою способность быть верной?

– Для тебя секс с разными мужчинами – не измена, а отправление естественных потребностей. И это не зависит от тебя, как не зависит необходимость сна и еды. Ты не можешь контролировать влечение до такой степени, что я не прикоснусь к тебе и пальцем, а ты кончишь.

– Не выдумывай!

– Если я смогу это, то ты сделаешь мне массаж телом? Ведь иначе будет несправедливо: всё новое – тебе.

– Я сделаю губами...

Природа распорядилась так, что мужчины в большей мере воспринимают мир визуально, а женщины находятся под влиянием слов. Профессия развила в Нинó эмоциональную впечатлительность и творческую мечтательность.

Выполнить своё обещание мне несложно. Главное – ввести её в правильное состояние, дальше она всё додумает сама.

Я сел в кровати и слегка откинулся назад. Подтянул Нинó спиной к себе, став как бы её креслом. И начал нащёптывать ей в ушко, как я её беру, и что она в этот момент чувствует. Она мгновенно возбудилась, и её пальчики потянулись к своей промежности, но я остановил её руку, прошептав ей: «Оставь... договаривались же без допинга».

Ещё несколько минут её возбуждение шло по нарастающей. Потом она сжала ножки и всхлипнула, а её тело несколько раз дёрнулось в оргазме.

Она отдала свой долг искренне и с нежностью.

Уходя, уже в дверях Нинó подавленным голосом произнесла:

– Ты как будто раздел меня на улице. Я чувствую себя беззащитной. Мне нужно время, всё это обдумать и осмыслить.

Она уехала в ночи, как выяснилось позже, навсегда. Я звонил, она отвечала, но всегда коротко, ссылаясь на занятость, и избегала встреч. Я решил дать ей возможность самой разобраться в наших отношениях и перестал помогать. Она тоже больше мне не звонила.

—

36

За полгода Нинó умудрилась проникнуть в моё сердце так глубоко, что пришлось вырывать всё связанное с ней с болью и кровью.

Постоянное уныние из-за нашего расставания привело меня в полный разлад с самим собой. Меня кидало от желания упасть ей в ноги до того, чтобы полностью вычеркнуть её из моей памяти. И я бы с радостью сделал либо то, либо другое, но не мог. Это было выше моих сил.

Я пытался разобраться в причинах нашего разрыва. Возможно, она ушла потому, что своей безжалостностью я разбил не только надежды на наше общее будущее, но и её внутренний мир.

Я затронул самую уязвимую, болезненную точку её натуры, главный страх – она рабыня собственного влечения, неспособная ему противостоять. Она убежала от зеркала, в котором увидела своё истинное, напугавшее её отражение.

Однако время всё лечит. Закончилась осень, выпал первый снег. Он напомнил мне родину, и я постепенно смог собрать себя в единое целое. Тем временем мы с Костей провернули очередной обмен с провалившимися нелегалами, поучаствовали в предотвращении террористической акции в третьей стране, ну и другое по мелочи. Моё пребывание в Москве себя оправдывало.

Мы редко говорили с Костей о личном. А будучи трезвыми – вообще никогда. Но выпив, иногда соскальзывали в эту область.

Сидя в один из четвергов в пабе на улице 1905 года, мы начали разгоняться пивом и постепенно дошли до такой кондиции, когда девочки плачут, а мальчики делятся личным. Помня, что Нина не чужая Косте, я рассказал ему, что мы с ней расстались.

Он не был удивлён и выразился вполне конкретно:

– Иначе и быть не могло. Ниночка очень свободолюбива и не терпит над собой ничьей власти. А отношения мужчины и женщины – это всегда подневольность. Даже без брака, а в браке уж точно.

Я начал было возражать, но он меня перебил:

– Я всё же старше тебя, к тому же много лет женат, и дочь уже живёт самостоятельно. Не навязываю тебе своё мнение, возможно, неприменимое с учётом культурных различий. Однако дай мне возможность его высказать.

Я замолчал и весь обратился в слух.

– Ты слышал что-либо о теории созависимости?

– Да, но только в общих чертах.

– Не буду морочить тебе голову подробностями. Эта теория сводится к нескольким важным постулатам. Один из них, в моём упрощённом изложении: в тесных коллективах либо давишь ты, либо тебя. А взаимоотношения между мужчиной и женщиной – это всегда очень тесный коллектив. Но всё не так безнадежно, как тебе сейчас, наверное, показалось. В частности, в семейной жизни происходит разделение зон ответственности, в одной из которых главный ты, в другой – жена. Или один из супругов сбрасывает всю ответственность на другого. В любом случае либо достигается баланс, либо наступает неизбежный развод.

Костя сделал пару больших глотков пива и продолжил:

– Но до семейной идиллии ещё нужно дожить. Сначала конфетно-букетный период. Потом начинается притирка, и тогда начинают лететь искры. Люди же все разные. У одного тут выступает эго, у другого там, а бывает и в одном месте, и тогда этот угол придётся стачивать обоим. Но уж если притёрлись, тогда есть шанс на семейное счастье.

Но вот такие, как Нинка, совсем из другого теста. Они не умеют притираться. Выше всего они ценят свою личную свободу, но хочу сказать, что и на чужую они не посягают. Или принимай их как есть, или иди на фиг.

Он грустно развёл руками, чуть не задев бокал с остатками пива, и умолк. Мне тоже нечего было ему сказать. Он прав во всём – и в понимании основ семейной жизни, и в отношении Нины. Только мне от этого ничуть не легче.

Наверное, разозлившись на его правоту, я спросил:

– А почему ты мне помогаешь? Ты пытаешься меня завербовать?

Он выпрямился и ответил практически трезвым и абсолютно безэмоциональным голосом:

– Вербовать человека, верного присяге, не имеет смысла.

Помолчав, решил дальше развить свою мысль:

– Конечно, можно и такого сломать или убедить, но пользы не будет. Исчезнет его внутренний стержень, и он станет уязвимым. Такие агенты быстро выходят в тираж, сводя на нет все потраченные на них усилия.

Костя чокнулся своей кружкой о мою:

– С тобой выгоднее быть другом. Ты ответишь добром на добро. Бывает много обстоятельств, когда, не вступая в конфликт со своей совестью, человек может быть добр даже с врагом. А уж не дать совершить ошибку другу – сам Бог велел.

– А с чего ты решил, что я верен присяге?

– У каждой души есть камертон. Для одной – это религия, для другой – честь, присяга или что-то ещё. Есть люди и без такого камертона. Этих видно сразу, но ты не такой. Предательство, наркомания, педерастия и тому подобные расхождения с естественной человеческой природой приходят в молодости, следовательно, вербовать нужно только тех, кто уже попробовал что-нибудь из этого.

Увидев мою реакцию на упоминание педерастии, он счёл нужным добавить:

– Я спокойно отношусь к голубым. В конце концов, мне нет дела до того, кто кого и как шпилит. Пидорасы – это другое. Это когда хотят хитростью кого-то поймать в жопу или подставляют жопу за ништяки.

Весь оставшийся вечер его что-то мучило, и уже на улице он, подтянув меня поближе за пуговицу пальто, полушёпотом скороговоркой сообщил:

– Ты не переживай свой провал в Ливии. В этом нет твоей вины, тебя подставили. Информацию про «Великую реку» они купили раньше, а твоя операция им была нужна только для прикрытия, чтобы создать у ливийцев иллюзию пресечения утечки. Информацию, собранную твоим агентом, ведь так и не вывезли из Ливии, только его семью. Это я тебе неофициально, по-дружески сообщаю, надеюсь, что это останется между нами.

—
37

К началу зимы завершилось оформление сделки, и клиенты полностью расплатились с Алексом. По этому случаю он закатил вечеринку прямо в офисе, заказав туда еду с обслуживанием, много дорогого бухла и девчонок.

Эскортницам велели вести себя прилично и никому не давать, иначе обещали лишиться всех гонорара. Их задача была создавать атмосферу красоты и хорошего настроения.

Вечеринка получилась настолько благопристойной, что Лука даже заявился на неё с женой. Пробыл недолго, но успел перезнакомить меня со всеми партнёрами и директорами своей фирмы. А потом к этому процессу присоединился ещё и Алекс, добавив к кругу моих новых знакомств топов клиентских компаний. Вечер был не скучным, с небольшой, но весёлой развлекательной программой и хорошим необременительным общением.

Воспользовавшись минутой, когда Алекс был свободен, я завёл разговор об утечке информации о сделке. Выяснилось, что расследование упёрлось в журналистку, которая несла ахинею про какого-то предпринимателя из Сибири, случайно подслушавшего разговор. Все сошлись во мнении, что она скрывает источник. Продавливать её не стали, поскольку её же использовали для своей публикации. Да и в конечном счёте всё вышло к лучшему.

Прощаясь, Алекс пригласил меня зайти за премией, которую почему-то хотел отдать наличными. Я не возражал. Предложение выйти к нему на постоянную работу я отклонил – слишком нервный бизнес. Договорились продолжить сотрудничество в том же вольном формате.

На следующий день я заехал к нему, забрал пакет со своим бонусом и, спустившись в той же башне на несколько этажей вниз к крипто-брокеру, перекинул его в биткоин.

Пользуясь очередным безвременьем, я начал обустривать свой быт. Арендовал коттедж в ближнем Подмоскowie на удобной вылетной трассе, купил подержанный «Порш».

Я знал, что в России не признают водительские права, выданные в других странах. Поэтому я потратил некоторое время на обучение езде на мотоцикле и получил права сразу на несколько категорий, включая управление грузовыми автомобилями.

Костя порекомендовал мне своих друзей, создавших закрытые курсы экстремального вождения на полигоне спеццентра его организации. С его слов, «вождение в России, особенно зимой, всегда экстремальное, а все дорожные знаки и разметка предупредительные, кроме железобетонного блока поперёк дороги».

Когда окончательно лёг снег, я поехал на полигон и провёл там полный день до темноты. Вообще-то у меня большой опыт вождения, но в последние годы службы значительно чаще под колёсами был сухой асфальт и реже – песок.

Езда по снегу, а тем более по льду, была для меня забытым ощущением. Поэтому уход от заноса мне дался не сразу. «Объезд пешехода» раз за разом приводил к взлетающему в небо манекену или юзу с заносом. Машина категорически не слушалась. Но в какой-то момент я

стал получать удовольствие, как на аттракционе, когда понял, что на льду мало шансов уйти через крышу, даже при сильном заносе.

Когда в очередной раз мы встали на исходную, инструктор, сидя справа, левой рукой ухватился снизу за руль и скомандовал:

– Жми!

Я делал всё точно так же, но инструктор придерживал движение руля, не давая мне его дёргать, и у меня всё получилось.

– Никогда не дёргай руль, даже если тебе в лоб вылетает другая машина. Управляй быстро, но плавно. Твоя первая задача – избежать лобового столкновения. Вторая – остаться на дороге. Машину не жалея, купишь новую. Береги только себя и пассажиров, – сказал мне инструктор, закрепляя полученный навык.

Дальше всё пошло легче. Я к исходу дня уже свободно делал змейку между дорожными конусами по укатанному снегу и на скорости под сотню километров в час.

Вернулся в Москву я глубокой ночью, но перед сном просмотрел почту. В письме от кадрового агентства было приглашение на очередное собеседование в крупный телекоммуникационный холдинг на позицию финансового директора.

—

38

Холдинг начали создавать в далёкие годы перестройки. Его кадровым ядром стали научные работники советского закрытого НИИ под предводительством наиболее деятельного из них, в дальнейшем получившего контрольный пакет и должность президента.

Очень рано поняв, что телекоммуникации – перспективный растущий рынок, холдинг агрессивно скупал и строил инфраструктуру связи по всей стране. К настоящему моменту он являлся федеральной компанией, присутствовавшей во всех регионах России. При этом по своей сети холдинг пропускал едва ли не большую часть магистрального трафика мобильных операторов.

Как мне объяснила мой кадровый агент Лена, холдинг собирался разместить свои акции на бирже, и им нужен профессионал в роли финансового директора. Нынешний таковым не является, но останется в роли заместителя.

На входе в бизнес-центр, в котором размещался основной штат сотрудников холдинга, меня встретила одна из ассистенток президента и совладельца компании Дениса Павловича. Сопровождая меня в его офис, она предупредила, что в моём распоряжении будет порядка сорока минут. Офис ожидаемо находился на верхних этажах. Охрана в дверях контролировала не только вход, но и выход.

Ждать в приёмной пришлось недолго, пунктуальность – хороший признак. Президент оказался немолодым, низкорослым и лысоватым мужчиной с живыми не по возрасту движениями и быстрой речью. Окружающим, включая меня, он демонстрировал улыбчивость и дружелюбие. Холерик легко прочитывался, а его моторику и мимику можно было использовать в учебных пособиях по психологии для описания данного психотипа.

Встреча проходила в кабинете президента. В углу, демонстрируя отстранённость, расположился нынешний финансовый директор, Семён Аркадьевич, ровесник президента, а значит, соратник, начинавший с ним этот бизнес. Человек невзрачный с незапоминающимся лицом.

Улыбнуло – ему бы в разведку.

У стола напротив меня села директор по кадрам, как часто бывает в России, дама средних лет. Дина Валерьевна – ухоженная и подчёркнуто деловая женщина бальзаковского возраста.

Начал интервью президент. Коротко повторил то, что я накануне науглил про холдинг и его историю, объяснил, что происходит:

– Дорогой Крис, в принципе, экономика нашего бизнеса в полном порядке. Но пришло время превратить компанию в публичную, так сказать, сделать первичное размещение её акций

на бирже. И поэтому нам нужна свежая кровь в финансах, человек с западным опытом, понимающий, как причесать отчётность, чтобы она понравилась рынку.

С начала разговора прошло не более пяти минут, но за это время президент успел уже несколько раз метнуться из одного угла кабинета в другой.

– Теперь, пожалуйста, расскажите о себе и своём опыте.

Резануло слово «пожалуйста», непривычное в московской деловой лексике. Чаше можно было услышать – «быстро».

Я не стал надувать щёки, выложил легенду о профильном образовании, работе в ряде крупных компаний на вторых ролях, опыте размещения облигаций и прохождения аудита.

В действительности ничего этого не было, но вживаясь в легенду, глубоко постигаешь её содержание, поэтому можно считать, что по части профессиональных знаний я не соврал.

– Откуда у вас такой хороший русский язык? – спросила дама, приспустив очки в мою сторону.

– Папа говорил по-русски и с детства учил меня языку. Его корни из первой русской эмиграции. Но в университете и после его окончания мне не доводилось его применять, поэтому извините, когда я делаю ошибки, – скокетничал я, зная, что уже давно не делаю ошибок в разговорной речи.

У меня оставался небольшой акцент, который вполне мог сойти за еле заметное проявление то ли шепелявости, то ли картавости.

– Как вы видите свою работу в нашей компании? – задал абсолютно бессмысленный вопрос президент.

На дурацкий вопрос предполагается дурацкий ответ, типа не буду ни есть, ни спать, только думу думать о компании и трудиться во имя её блага.

Мне не хотелось участвовать в подобном цирке, поэтому я сделал попытку дать более разумный ответ:

– Вы нанимаете меня с конкретной целью – вывод акций компании на рынок. Реализация этой цели и есть моя верхнеуровневая задача. С финансовым планированием вы справляетесь и без меня.

Краем глаза я увидел согласный кивок Семёна Аркадьевича.

– Что для этого нужно?

– С точки зрения ресурсов, предполагаю незначительное увеличение штата моего блока. Потребуется профильные аналитики и специалист по связям с инвесторами. Но важнее другое. Необходимо обеспечить финансовую прозрачность. Это не тот уровень, который от вас требуется для успешного прохождения аудита, когда единственный риск – получить в заключении аудитора оговорки, если будет сокрытие или искажение информации...

– У нас нет сокрытия и тем более искажения информации. Это подтверждают наши аудиторские заключения, – подключился к разговору Семён Аркадьевич.

– Возможно, я разочарую вас, но заключение аудитора не даёт такой гарантии. Скорее оно даёт основание так думать, – ответил я.

– Ну, предположим, наша нынешняя отчётность не идеальна. Что тогда? – спросил президент.

– Зачищать хвосты. И это тоже моя работа. Грязное бельё нужно стирать, а не рассовывать по дальним углам.

Всё время этого обсуждения кадровичка сверлила во мне дыру неотрывным взглядом. Её задача заключалась не в том, чтобы разобраться в моём профессионализме, а в том, чтобы обнаружить какие-то особенности личности. Я, как мог, подыгрывал ей своей демонстративной взвешенностью и рассудительностью.

В самом конце интервью президент задал ещё один бессмысленно-абстрактный вопрос:

– Сложно ли навести порядок в финансах?

– Если есть финансы, то навести в них порядок – задача совсем не сложная.
Все понимающе рассмеялись.

От предложения задать вопросы я отказался, поскольку отведённое на нашу встречу время уже истекло, а у них наверняка имелись планы, которые я не хотел срывать. Вот если они останутся на моей кандидатуре, тогда и буду тратить их время на свои вопросы.

На том мы и расстались. Дина Валерьевна вызвалась меня проводить, поскольку сама планировала идти к выходу. По пути и в лифте мы развлекали друг друга пустой болтовнёй о моём опыте проживания в Москве.

Прощаясь, она протянула мне руку для рукопожатия, но я склонился в поцелуе на французский манер. Она не отдёргнула руку и приняла это как должное, что в моих глазах представляло её как деловую и весьма уверенную в себе женщину.

—

39

Кадровый агент Лена позвонила мне рано утром. Я как раз собирался на пробежку, но завис в разговоре с ней на выходе из дома.

Холдинг склонялся к выбору в мою пользу, но рассматривался ещё один альтернативный кандидат. Кто он, хедхантер не раскрывала, но я понял, что и его тоже представляло её агентство, поэтому ждать от Лены помощи не приходилось.

Она звонила, чтобы согласовать со мной новую встречу, но уже с другим акционером холдинга.

Как выяснилось, на заре компании первыми привлечёнными средствами в её капитал были деньги комсомольского общака. Не буду погружать в перипетии периода дикого капитализма в России, о этом много написано и без меня.

В данном контексте важно только то, что первыми партнёрами Дениса Павловича были бывшие комсомольские функционеры, которые и сейчас оставались в малой доле. Думаю, это их идея – вывести компанию на биржу, чтобы сбросить акции на пике стоимости. И поскольку эта тема для них очень важна, они хотели поучаствовать в выборе финансового директора, а президент не возражал.

Эта внутренняя интрига не добавляла оптимизма относительно работы в холдинге, но делала процесс найма явно веселее. Опять же позволяла расширить круг знакомств, который тоже являлся ресурсом.

Как говорят русские – не имей сто рублей, а имей сто друзей.

Встреча была назначена в старинном особняке, затерявшемся в кривоколенных переулках центра Москвы. Припарковаться в центре всегда лотерея, а оформление пропуска на служебную стоянку для Лены оказалось нерешаемой задачей.

В результате, отправившись на встречу, я доехал до «Волоколамской», бросил там машину и пересел на метро.

Мне нравится ездить в московском метро. Оно сильно контрастирует с совершенно запущенным состоянием метрополитенов в мегаполисах США. Московское метро – это как слои археологических раскопок, когда ты едешь от периферии к центру. Модернистские станции современности сменяются классикой позднего советского периода. За ними – минималистские, больше похожие на большие санузлы хрущёвского периода. Завершают картину монументальные ампирические сталинские станции, безотказно производящие на туристов вау-эффект.

Московское метро не имеет ничего общего с нью-йоркским, с его грязью, запахами и крысами, старыми, изгаженными граффити вагонами и хаотичной навигацией. Мне порой кажется, что нью-йоркские таксисты доплачивают вандалам, чтобы нормальному человеку не приходило в голову использовать его в качестве средства передвижения по городу.

В московском метро нет урн, в то же время практически нет мусора. Но есть странная форма вандализма. Например, нос собаки на станции «Площадь Революции». Московские сту-

денты почему-то выбрали его как способ привлечения удачи и трут перед каждой сессией. В результате отполировали его до такого блеска, что сторожевая овчарка приобрела окрас зенненхунда.

Скульптурам на этой станции вообще не везёт. Наган революционного матроса очень удобно торчит в проход, дети любят подержаться за его ствол на повороте. В итоге, как рассказал мне Костя, ныне проводится уже третья реинкарнация ствола нагана.

Я доехал до «Площади Революции», сделал пересадку и вышел на «Тверской». Через пять минут был у входа в особняк позапрошлого века в неоготическом стиле, превращённый в бизнес-резиденцию.

Внутренний интерьер: кованые перила лестницы, дубовые панели, лепнина и витражи соответствовали экстерьеру здания.

Хозяин особняка принял меня в своём кабинете, в северном крыле, больше похожем на временную капсулу.

Шкафы из морёного дуба с ажурными верхними ярусами, кресла кабриоли с гнутыми спинками и резными ножками, пара жардиньерок, заставленных экзотическими цветами. Центром этой музейной экспозиции был огромный, как футбольное поле, письменный стол с толстенной столешницей из тёмного ореха, бронзовыми уголками с чеканкой и гнутыми резными ножками, как у кресел.

Наверное, по этикету следовало сделать комплимент хозяину всего этого антиквариата, но я не смог подобрать слов, которые не смахивали бы на троллинг.

В голову пришла неожиданная аналогия, и я огласил её вслух:

– Очень изысканный офис, чем-то напоминает кают-компанию на старинном фрегате. Не хватает корабельных часов, медных барометров и портретов адмиралов. Также были бы уместны масляные лампы.

Встречающий меня хозяин резиденции остановился и вытаращил на меня глаза, выдержал паузу, то ли давая мне шанс сдать назад, то ли продолжить, а потом засмеялся в голос.

– Да, согласен, похоже. Кстати, на моей яхте кабинет чем-то напоминает этот.

Несколько раз он мотнул головой, не переставая улыбаться.

Мы представились друг другу.

Мой собеседник, Павел Антонович, предложил напитки, я попросил у сопровождавшей меня девушки латте. Мы расположились в музейных креслах и начали издали. Собеседник не стеснялся задавать прямые вопросы на грани приемлемой этики и легко вторгся в личное пространство. Вопрос: «При каких обстоятельствах погибла ваша мать?» – был, пожалуй, из самых деликатных.

К тому моменту, когда я отпил половину чашки, ему осталось только уточнить, являюсь ли я действующим разведчиком и с какой целью заслан в его страну. Но эту область он не стал затрагивать, видимо, исходя из логики – не задавай вопросы, ответы на которые не хочешь услышать.

По окончании первой части допроса, перед его деловой частью он сделал преамбулу со своим жизнеописанием, связанным с холдингом, а также сообщил, что представляет интересы группы инвесторов, давно сидящих в этом активе. Как-то незаметно он перешёл на ты.

Я не пропустил этот шар и тоже перешёл на ты, не акцентируя. Но Павел Антонович явно заметил ответный ход, однако отыгрывать не стал. Так у нас и повелось в дальнейшем общаться на ты: он меня – Крис, а я его – полным именем с отчеством, стараясь не обозначать ты в присутствии других людей. Деловая часть получилась короткой. Павел Антонович задал несколько весьма узкоспециализированных вопросов, причём не предполагавших однозначные ответы, и выслушал мои размышления без комментариев.

В какой-то момент мне показалось, что я мог создать впечатление нерешительного человека, неспособного сформулировать мнение. Но судя по выражению лица собеседника, он остался доволен.

В заключение он спросил:

– Какой у тебя главный недостаток для этой работы?

– Думаю, недостаток опыта.

– Опыт – совокупность навыков, которые, скорее всего, не пригодятся, если человек развивается. Главное – профессиональные знания и способность эффективно их использовать в новых условиях.

Создавалось впечатление, что я ему зашёл, но спрашивать об этом не стал. Как не стал спрашивать, что будет дальше.

—

40

Предложение о работе готовили очень долго. В какой-то момент я даже подумал, что холдинг передумал меня нанимать. И в этом состоянии неопределённости я решил обсудить ситуацию с Костей. Никакого смысла в этом не было, только хотел проверить, насколько я правильно себя вёл и всё ли верно понял. Так сказать, разобрать кейс.

Когда Костя узнал, куда я устраиваюсь, то выдал безапелляционный вердикт о причине задержки:

– Они тебя пробивают.

– Что они со мной делают?

Костя долго не мог остановить смех.

– Не беспокойся, дырок в тебе они делать не будут. Как минимум сейчас. Они как бы формируют твоё оперативное дело. Для этого проводят проверку, а если есть сомнительные эпизоды в твоей биографии, то и разработку по этим эпизодам. Так понятнее?

Я кивнул.

– Насколько это законно?

– Плевать они хотели на закон. Ты хоть понимаешь, с кем связался?

– Нет. Поэтому я и решил обсудить этот вопрос с тобой, – соврал я.

– Не знаю, насколько ты осведомлён об этом эпизоде нашей истории, называемом то бурными, то мутными девяностыми. Эти годы породили, наверное, девять из десяти нынешних лидеров российских экономических рейтингов. Твои Павел и Денис родом оттуда. Это те годы, когда отстрел конкурентов стал обыденным делом, почти рутинной. Явных свидетельств участия твоих персонажей в подобных историях нет, но те, кто выжил в те времена, да ещё сохранил за собой бизнес, явно ребята непростые. Ты не сильно переживай по этому поводу. Просто прими к сведению, что для них закон – филькина грамота. Они ещё с тех лет живут по понятиям.

– Не понял.

– И не поймёшь. Нужно было жить тут в девяностые, чтобы в этом разбираться. Сейчас всё это как «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет» или «Хроники Фредегара» про эпоху Меровингов. Тебе всё это должно быть пофиг, не твоя тема. Ты же предварительно не изучаешь физиологию и рацион зверей, когда в зоопарк идёшь?

– Разумеется, нет.

– Но и в клетку руки не суёшь. Правильно? Так и тут. Не дразни зверей, и будет всё норм. Понял?

Разумеется, я ничего тогда не понял, но позднее разобрался. Ведя бизнес в России, нужно действовать открыто, а не пытаться обмануть, даже используя законодательные уловки. Ты можешь действовать жёстко и агрессивно, можешь действовать вне закона. Тебя поймут.

Скорее всего, с тобой не согласятся и дадут отпор, так поступят наверняка, если твоя сила не будет многократно превышать противостоящую. Но даже в случае такого конфликта твои действия будут восприняты с пониманием. Если ты начинаешь хитрить и лгать, заниматься подлогом, не выполнять взятые на себя обязательства, то попадаешь в разряд подонков, а в их отношении допустимо всё что угодно. В девяностые годы таких убивали, сейчас только лишают бизнеса. Вкратце так выглядят пресловутые русские понятия. Существует иллюзия, что они не затрагивают иностранцев. Так поверьте, это заблуждение. Для некоторых оно стало роковым.

Глава 4

—

41

Первый рабочий день в холдинге начался бурно. Мне не успели сделать постоянный пропуск, поэтому на входе меня встречала одна из персональных ассистенток президента. Она провела меня в конференц-зал, в котором проходило еженедельное совещание старшего руководящего состава компании. Ввиду задержки при оформлении прохода в бизнес-центр мы немного опоздали, и я вошёл, когда совещание уже началось.

Денис Павлович метался вдоль стены, размахивая руками и весьма импульсивно выкрикивал лозунги.

Я вошёл, когда он бросил в массу топ-менеджеров холдинга:

– Компания находится в истерическом состоянии!

Я оглядел присутствующих, но был возбуждён только Денис Павлович.

Заметив меня, он показал на свободный стул и совершенно спокойным голосом сказал:

– Рад, что вы с нами!

После этого в той же манере продолжил нагнетать напряжение.

Напряжение не нагнеталось. Собравшиеся явно не были обеспокоены, даже в меньшей мере, чем их президент. Я пытался вникнуть в суть происходящего в компании, но из слов президента невозможно было ничего понять. Видимо, я пропустил содержательную часть его выступления. В какой-то момент эмоциональный запал Дениса Павловича исчерпался, и совещание покатило по классическим рельсам для такого рода мероприятий – заслушивали отчёты за неделю всех подразделений.

Я старался запомнить персоналии. Семён Аркадьевич и Дина Валерьевна – финансовая и кадровая службы, с ними я уже знаком. Седой сухопарый господин – технический директор Дмитрий Семёнович. Плотного телосложения, круглолицый молодой брюнет с весьма дорогими часами – директор по продажам Алексей. Тут я впервые увидел Э., он возглавлял клиентскую службу. Были и другие.

По окончании Денис Павлович попросил остаться меня и Семёна Аркадьевича, чтобы обсудить моё размещение, подключение к информационным системам, представление коллективу финансовой службы. Получив от моего сменщика удовлетворившую его информацию, президент отпустил нас восвояси.

Мне выделили угловой офис на этаже правления. Не знаю, как в России, но в американской бизнес-культуре угловые офисы отдают только самым важным топ-менеджерам. Это иногда размнивается на зарплату, если компания не может платить столько, сколько стоит значимый для неё сотрудник. Не скрою, меня озадачило выделение престижного офиса просто так, без сопутствующего привлечения моего внимания к этому факту.

Представление коллективу не заняло много времени. Семён Аркадьевич, похоже, не заморачивался формальным понижением своего статуса. Собравшимся сотрудникам службы он сообщил, что, оставаясь членом правления, он передаёт полномочия финансового директора мне. В своём выступлении, наряду с обязательным бла-бла – «всем спасибо, будем работать вместе», – я сообщил, что предстоит создать новое подразделение по работе с инвесто-

рами, чем, видимо, озадачил инвестиционный департамент. Как минимум его руководитель уходил в задумчивости.

Вторую половину дня я посвятил знакомству с сотрудниками. В целом Семёну Аркадьевичу удалось собрать профессиональную команду, но люди были слегка растеряны. Объяснялось это, как моим приходом и отстранением бывшего руководителя, так и некоторой неразберихой в текущих задачах и долгосрочных целях.

День выдался длинный. Уже на его излёте я стоял у окна своего кабинета и смотрел на загорающиеся огни вечерней Москвы. Подо мной на разных уровнях пересекались две реки несчётного числа белых и красных автомобильных огней Ленинградки и трёшки.

Вдали отблески заходящего солнца соскальзывали с верхних кромок стаканов Сити. В вырезанном панорамным стеклом кадре падал снег, сопровождаемый приглушённым автомобильным гулом. Густые хлопья рядами бились в стекло офиса, подобно пеплу на сгоревшей планете, летящему в окна космического корабля. Внизу были видны люди, бредущие по заснеженным улицам. Потеряв контуры, они постепенно превратились в безликие серые пиксели. Что ими двигало? Почему они верят в то, что их движение имеет смысл? Может быть, и меня кто-то сейчас разглядывает сверху, задаваясь тем же вопросом?

—

42

В один из дней моей первой рабочей недели ко мне в офис зашла Дина Валерьевна, чтобы разузнать, как я обустроился, и удивилась отсутствию личного помощника.

Она, как ребёнку, объяснила мне, что это обязательное приложение к должности, и тут нечего обсуждать. Мне пришлось согласиться. Тогда я думал, что это часть политики информационной безопасности и роль персонального ассистента, в том числе обеспечивать охранение информационного, прежде всего цифрового периметра.

Но всё оказалось гораздо прозаичнее. В России важным аспектом бизнеса является статус. Если в холдинге заведётся топ-менеджер, даже иностранец, без должных атрибутов должности, то это ударит по престижу компании. Полагаю, именно эта мысль толкала Дину Валерьевну к ультимативному требованию нанять мне персонального ассистента. И буквально со следующего дня мне начали приводить различных кандидатов.

Нужно сказать, что за годы работы в России я разобрался с этим атрибутом. Ты общаешься с человеком и сразу понимаешь его статус. У пафосных начальников несколько помощниц, работающих порой в режиме дежурств в непрерывном цикле, причём в рабочее время не менее двух. Иногда для работы с документами и взаимодействия с госорганами они берут также помощников-мужчин, но в основном считается, что это женская работа.

После завершения советской эпохи, в России сменились названия многих трудовых функций и наименования должностей. Раньше личных помощников называли секретаршами. Нет-нет да проскочит в речи старшего поколения это обозначение. Молодые так уже не говорят. Дурным тоном считается совмещать в лице личного помощника бизнес-задачи и женщину для быстрого секса. Чаще всего это являлось только темой для анекдотов, хотя, конечно, случалось всякое.

Эту должность иногда называют бизнес-жена, но в этом нет сексуального подтекста. Опытный персональный ассистент пи-эй знает о своём руководителе порой много больше, чем его настоящая жена, и влияет на его жизнь на более глубинном уровне, чем через постель.

В бизнес-кругах классный пи-эй может быть фактором престижа. Русские ими меряются как дорогими часами, среди них бывает классика, а бывает что-то из новой коллекции.

Ценятся правильные черты лица, не вызывающая, но притягивающая взгляд грудь, высокий рост, длинные красивые ноги. Рост очень важен, он ограничивает круг посягающих на неё мужчин. Но больше экстерьера ценятся способности координировать многовекторные процессы, что бывает посложнее игры в шахматы.

Стрессоустойчивость – это неотъемлемое качество пи-эя. Если она работает на должности второй год или дольше, то плакать будете вы, а не она. Я всегда говорил, что женщины наиболее кровожадная часть нашего вида, но пи-эи – наиболее жестокая часть женского рода.

При том, что квалифицированный персональный ассистент никогда не вступает в личные отношения с боссом, как и в любой другой профессии, всегда есть любители, точнее, любительницы.

В конце прошлого века, когда в Россию потянулись зарубежные компании, главным критерием отбора личных помощниц в представительства иностранных компаний было знание языков. Тогдашние секретарши (иначе не назовёшь) зачастую были из затраханых валютных проституток и эскортниц. Иногда возрастные руководители и собственники мелкого бизнеса и сейчас тяготеют к этому источнику трудовых ресурсов.

Намерения этих нищётников уже на первом собеседовании становятся очевидны умным соискательницам. Поэтому в профессии присутствует сегрегация и естественный отбор. Каждому своё. Видимо, поэтому я не слышал ни одной истории в России про харассмент применительно к профессии личного помощника.

Кадры присылали мне по две-три кандидатки каждый день, но все они были безликими серыми мышками. Наверное, они считали, что это идеально для данной профессии, но общение с существом, лишённым собственных пристрастий, весьма утомляет.

А оно мне надо?

Видимо, моя привередливость не осталась без внимания общественности, и после одного из совещаний меня отвёл в сторону Э.:

– Дружище, если хочешь, я подгоню тебе толковых кандидаток из службы поддержки. Могу даже из техподдержки, эти тебя и по матчасти подтянут, если нужно.

Я поблагодарил и кратко описал, что меня не устраивало в представленных претендентках и какие критерии для меня наиболее важны. В конце разговора Э. зачем-то уточнил мою дату рождения и уже вечером прислал резюме потенциальных кандидаток. Все отвечали заданным параметрам. Единственный недостаток – слишком молодые.

Возможно, что это для кого-то достоинство, но для меня – гарантированный недостаток опыта и отвлечение внимания на обустройство личной жизни. Я позвонил Э. и поделился с ним этими соображениями.

Он не согласился:

– Это всегда индивидуально для каждого человека. Для подбора кадров в моей службе учитываются те же риски. А тебе я прислал ещё и отфильтрованный подбор. Посмотри, тогда и обсудим.

Присланные Э. претендентки были определённно из другого теста. Они позволяли себе дискутировать, выражать чувства, а также имели мнение по событиям в холдинге. Интеллектуальный уровень и образованность тоже на высоте. К исходу недели я остановил выбор на Алисе.

На собеседование она пришла после дежурства. Строгий деловой костюм, умеренная косметика, ухоженные руки с нейтральным лаком, офисный каблук – не тапочки, но существенно меньше, чем позволял её высокий подъём. Пышная копна кудрявых рыжих волос была туго стянута в пучок на затылке. Всем своим видом она демонстрировала деловой настрой.

Хорошее финансовое положение выдавала дорогая брендовая сумочка и небрежное к ней отношение. Колец и браслетов на руках не наблюдалось, только цепочка, небольшие серёжки и обручальное кольцо – русские его носят на правой руке.

Уже в первые пять минут разговора я понял – она лучшая. Четкая и лаконичная речь не оставляла сомнений в её мнении. А кто ясно мыслит, тот ясно излагает.

Обратив внимание на её пружинящую походку и широкий шаг, я спросил про отношение к спорту.

Оказалось, что она занимается карате и имеет какой-то пояс. Кроме того, Алиса водила машину. В довершение ко всем её достоинствам она не просто так попала в техподдержку, а будучи дипломированным специалистом по ИТ-безопасности.

Мы перешли на английский. У Алисы был высокий английский с лёгким британским акцентом, как у изучающих язык в школьных лагерях на Мальте.

Мне она сделала неожиданный комплимент:

– У вас отличный английский.

– Скорее у меня хороший русский, а английский «у нас на районе» был основным языком общения, – ответил я по-русски.

Пытаясь окончательно сложить мнение об истоках её характера, я спросил:

– Вы недавно в Москве?

– Почему вы решили, что я не москвичка? – слегка удивилась Алиса.

– Во-первых, у вас в резюме указано образование, полученное в Новосибирском университете. Во-вторых, москвички редко идут на тяжёлую работу. А на этой ещё и не останется времени на личную жизнь.

В своих предположениях о происхождении Алисы я ошибался, но это выяснилось позже.

– Я уже замужем. Могу себе позволить пренебречь личной жизнью.

– А как к этой работе отнесётся муж?

– Он сам трудоголик. Скорее его беспокоило бы моё безделье.

Замужество Алисы стало завершающим штрихом её достоинств. В конце беседы я договорился с ней о том, что если остановлю свой выбор на ней, то она приведёт для знакомства своего мужа. Муж и жена – одна сатана. Нужно убедиться, что тут не будет сюрпризов в виде неадекватности или ревнивца.

Дина Валерьевна, узнав о моём выборе, высказалась неодобрительно. Её возражения были лишены логики и основывались исключительно на предположении о неготовности Алисы к новому виду деятельности.

Я не стал её уговаривать, просто прекратил рассматривать других кандидаток под предлогом большой загрузки. Спустя неделю всё решилось само собой.

Купив бутылку XO, как-то вечером пригласил в свой офис Э. Я уже привык к тому, что распитие на работе не является в России чем-то компрометирующим. Скорее наоборот, показывает, что ты свой парень, не отрываешься от коллектива. Негативно воспринимается только пьянство в рабочее время, ставя на тебе клеймо бездельника.

Рассказав о том, что выбрал для себя пи-эй Алису, поблагодарил Э. за помощь.

– О, дружище, не стоит благодарности. Тем более, что я благодаря тебе выиграл две бутылки хорошего французского вина.

– А в этом месте поподробнее, пожалуйста.

– Твои страдания с поиском помощницы были заметны для окружающих. Алексей... Ну, ты с ним уже знаком, это наш продажник, предложил сделать тотализатор на твой выбор. Было две ставки: на цвет волос и на срок выбора.

Я выиграл обе. Тут, конечно, была хитрость с моей стороны, но без нарушения условий. Как говаривал старик Мичурин: «Нельзя ждать милости от природы, взять их у неё – наша задача». Я прислал тебе свой золотой запас девушек клиентской службы. Можно сказать, от сердца оторвал. То, что ты выберешь кого-нибудь из них, а не из Дининых, было гарантировано. Я ставил на неделю, Алексей на месяц. Выбор в пользу Алисы я тоже просчитал.

– С чего была такая уверенность на её счёт?

– Она умная и очень быстро соображает, исполнительная, но и с инициативой. Ей легко ставить задачи, не нужно разжёвывать. Опять же, работа в службе дала ей огромный опыт взаимодействия с людьми, в том числе в конфликтных ситуациях. А хорошее воспитание и образование тоже не у каждой. Она из московской профессорской семьи.

Отец у неё один из ведущих специалистов в области элементарных частиц, некоторое время работал на новосибирском коллайдере. И она всё равно у нас не осталась бы, давно переросла эту работу. Ставить её руководителем не имело смысла, она по своему духу волк-одиночка. Точнее, лиса-одиночка.

Э. засмеялся.

– Как ты думаешь, почему Дина выступала против её кандидатуры?

– Дина – серый кардинал холдинга. Сталин в юбке. Ты знаешь, кто такой Сталин?

Я кивнул.

– Дина везде расставляет послушных себе людей и через них контролирует и управляет ситуацией.

Алиса не её человек и никогда им не будет. У Дины в этом нет корысти, во всяком случае, я не замечал. Это её способ уберечь холдинг от неприятностей. Много раз им на пару с Борисом – нашим безопасником, это удавалось. Дина самая молодая из отцов-основателей, она начала работать с ними ещё девочкой, почти сразу после института. Она по образованию не гуманитарий, а радиоинженер, кажется.

Мы выпили за здоровье Дины, и Э. продолжил промывать ей косточки:

– Один раз был свидетелем, как молодой инженер присел ей на уши по части своих переделок. Типа очень сложная задача с настройкой нового оборудования, много непонятного, и вообще нет гарантии, что что-то получится.

В общем, целуйте мне руки, а не задавайте глупые вопросы по части того, чем я занят. Она всё это внимательно слушала, не перебивая. А потом на техническом языке с использованием терминологии выдала диагноз: перечень допущенных им ошибок и способы их устранения. И дала ему на это один день.

Через день всё было исправлено, а на второй парня уволили, причём даже не согласовывая с его начальником. В общем, она жёсткая баба. Ей палец в рот не клади, откусит по самые яйца. С ней лучше дружить, с врагами она не договаривается, она их уничтожает.

Мы помолчали немного, видимо, каждый в этот момент думал о Дине.

– Э., а что за цирк творился на совещании в мой первый понедельник?

– Милок, этот цирк был по твоему ведомству. Накануне уволили главного бухгалтера. Этот чудак умудрился подставить московскую дочку холдинга на налоговые штрафы приблизительно в размере её месячной выручки. Я вообще сильно удивился, когда мужика назначили главбухом. Мы ж неспособны что-либо содержать в надлежащем виде. Порядок – женский половой признак. Ну, в общем, этот парень развёл у себя бардак, вот оно и долбануло.

Президент негодовал и топал ножками по этому поводу. Но заметь, в сторону Семёна он не бросил ни одного упрёка, хотя это полностью его косяк. У них, у старой гвардии, так принято. Они всегда плечом к плечу, в белых пальто и масках Зорро. Все вокруг мудаки, а они – отцы-основатели, никогда не ошибаются и идут исключительно в правильном направлении.

Выпили и за здоровье старожилов холдинга.

Если вам будут говорить, что сплетни – это женский удел, не верьте. Просто у мужчин это называется дружеским обменом информацией.

—

43

Разобравшись в делах головной компании, я решил съездить в какой-либо регион, чтобы своими глазами посмотреть, как там организован бизнес. Посоветовавшись с Семёном Аркадьевичем, я выбрал Урал.

Вылетел из Домодедово ранним утром, так чтобы прилететь в Екатеринбург ещё до полудня по местному времени. Это должно было позволить начать работу в день прилёта, закончить вечером следующего дня и вернуться в Москву без второй ночёвки.

Рейс ввиду раннего вылета был практически пустой. Весёлые стюардессы приятно контрастировали с немногочисленными заспанными пассажирами. В бизнес-классе я был один и разговорился со стюардессами. В разговоре выяснилось, что я не единственный, кого завораживает небо и авиация.

Молодые и привлекательные девушки в форменной одежде безусловно очаровали меня, но Ольга, летевшая в этом экипаже бригадиром, просто покорила моё сердце. Весь полёт я не мог отвести глаз от её лица с идеально правильными чертами и натуральным румянцем.

Ольга вообще не пользовалась косметикой, всё, что женщины стараются сделать контрастным – ресницы, брови, губы... – у неё было ярким и привлекательным от природы. Перед посадкой мы обменялись с ней телефонами.

В порту меня встречал водитель дочерней региональной компании. Я искал глазами табличку со своим именем, но он сам подошёл ко мне, представился и повёл к машине. Встречающий был немногословен, выяснил, что мне сначала нужно заселиться в гостиницу, дождался, пока я поднялся в номер и принял душ, и после этого отвёз в офис компании.

Первая встреча у меня с генеральным директором компании и его заместителями. Я так и не понял, зачем их всех собрали, но в течение часа каждый из них успел рассказать о задачах и результатах работы своих подразделений.

Мне бросилась в глаза внешняя схожесть этих суровых мужчин. Все они были приблизительно ровесниками, немного за сорок, крепко сложенные, невысокие, с одинаковыми короткими стрижками. Запоминать их поимённо не имело смысла, так как я всё равно потом перепутаю, кто есть кто.

Безусловно, лидером и стержнем коллектива был генеральный директор то ли с немецкой, то ли с еврейской фамилией. Михаил Александрович руководил компанией со дня её создания. Он был её основателем, но лет пять тому назад продал холдингу контрольный пакет, а потом и остальные акции компании. Его оставили генеральным директором, исходя из правила «если не сломано, то не чини».

Опытный руководитель легко справлялся не только с формированием реалистичных бизнес-планов и бюджетов, но и, что гораздо важнее, с их исполнением. Команда Михаила Александровича не рвала пупок в борьбе за долю рынка. Её кусок пирога был очень стабильный – чуть меньше половины на протяжении многих лет.

Компания была на хорошем счету, поэтому у Михаила Александровича имелся карт-бланш на принятие решений по всей её деятельности.

Региональные директора – отдельная каста в менеджменте сетевых компаний. С одной стороны, на них всё держится, они лицо компании в конкретном регионе. С другой – это главный источник риска.

Сложно быстро понять уровень компетенции конкретного директора, особенно если он умеет готовить красивые отчёты. И ловить на воровстве регионалов также очень сложно, поскольку условия закупок не показывают реальную рыночную ситуацию.

Региональное руководство заранее оповестили о цели моего визита. Он был лишь ознакомительным. В мои планы не входила проверка документации и инициация какой-либо ревизии. Я не имел навыков внутреннего аудита, к тому же он не проводится в одиночку и спонтанно, без предварительной подготовки. Но по разговору с генеральным директором я понял, что они ожидали от меня именно этого, а все мои слова, отрицающие их догадки, не воспринимали всерьёз.

В общем, я понял, что дальше отнекиваться бесполезно, и поэтому принял решение, что, просматривая бумаги и таблицы отчётов, задам им несколько интересующих меня вопросов.

Мне выделили сотрудника из финансового отдела компании, и мы отправились с ним изучать глубины бумажного царства. Через час выборочного ознакомления с финансовыми

документами у меня сложилось стойкое впечатление, что мне, как выражаются русские, «крутят кино».

Я никак не мог понять, почему возникло такое ощущение, поскольку вся документация была в полном порядке, но это не проходило. Я привык доверять своему внутреннему чувству и тут не ошибся.

Цены накупаемое оборудование не удивляли. Но условия поставок были неординарными. Все скидки и льготы могли распространяться на закупки других компаний. Для этого требовалось лишь распоряжение регионального директора.

Должно быть, моё внимание к этим странным условиям сделок заметил сопровождающий. Он начал следить за моими действиями внимательнее, а потом и вовсе куда-то ушёл, наверное, чтобы сообщить о неладном.

Вскрытая мной схема оказалась весьма изящной. По всему видно, что Михаил Александрович в регионе имел большой авторитет. Устойчивое лидерство, балансирующее на грани доминирования в условиях ожесточённой конкуренции, недвусмысленно указывало на сговор.

Его, очевидно, возглавляет Михаил Александрович. А основные конкуренты так или иначе находятся под его контролем. И обеспечивается это тем, что поставки оборудования им на крайне выгодных условиях идут на кредитном плече и скидках нашей компании. Назвать это воровством вроде бы неправильно, но по сути это злоупотребление служебным положением, а значит, скрытая форма воровства.

Я не смог получить доказательства, подтверждающие мою гипотезу, но был абсолютно уверен в своей правоте. А когда вернулся сопровождающий, я понял, что точно прав.

Он сразу же засуетился вокруг документации, которую я изучал, и, ссылаясь на то, что она срочно понадобилась бухгалтерии, забрал все папки с договорами. Ну а потом под предлогом оказания помощи стал подкидывать мне всякий информационный мусор.

Я не стал ему возражать. В общем-то аудит не входил в мои планы, они сами сделали явку с повинной. Мне оставалось только отметить этот факт, а докручивать вскрытую проблему уже будут другие, те, кого я потом пришлю с целевой проверкой.

День завершился ощущением, что моя поездка не прошла даром. В благодушном состоянии души я заглянул на административный этаж, чтобы на сегодня попрощаться с руководителями и обговорить завтрашний день. Нашёл всех в кабинете генерального.

– Заходите, господин Алдер, а мы как раз обсуждаем вечернюю программу.

– Я вообще-то собирался в гостиницу и спать. Сегодня очень рано пришлось встать.

Михаил Александрович приобнял меня за плечи со словами:

– В ваши годы для сна хватает два часа, остальное время нужно тратить на впечатления.

Вы же впервые в Екатеринбурге?

Я подтвердил, что да, действительно впервые не только в Екатеринбурге, но и вообще в каком-либо городе России, кроме Москвы и Санкт-Петербурга.

– Ну, тогда вам не удастся сбежать. Мы сейчас поедим ужинать, а потом я покажу вам наш город. Это недолго, успеете выспаться.

Отказываться было невежливо, и я согласился.

—

44

Для ужина забронировали отдельный кабинет в ресторане «Паштет». Имитация домашнего интерьера на французский манер «Коме а ля мезон»¹ и стилизованный фарфор дополнились кошкой Пашей серебристо-мраморного окраса. Это грациозное животное, которое с

---

¹ Коме а ля мезон (франц. Comme à la maison) – означает «Как дома», и может относиться к уютному месту (например, ресторану или отелю).

видом хозяйки дома фланировало среди посетителей. Высокая европейская кухня здесь контрастировала с тапочной обстановкой.

На столе нас уже ждало изобилие холодных закусок и много крепкого спиртного. На горячее я заказал фланк-стейк с вёшенками и трюфельным пюре, при этом обратил внимание на то, что особой популярностью в нашей компании пользовались пельмени.

Мужчины весёлые и охочие до виски не оставили мне выбора. После длинного дня я бы предпочёл пиво или красное вино, но сосед по столу, не спрашивая меня, налил в мою рюмку то же, что и себе.

И понеслась!

Я скоро опьянел и потерял чувство времени. Компания суровых уральских мужиков оказалась очень простой в общении и весьма дружелюбной. Но пить приходилось с ними наравне. Любые попытки пропустить очередную рюмку или как-либо схитрить дружески пресекались.

В какой-то момент к нашей компании присоединились девушки.

– Наши сотрудницы офиса обслуживания, передовики производства, – хохотнув, представил их сосед.

Ближе к концу ужина Михаил Александрович предложил:

– Ребята, а поедem на Песчанку, покататься?

Все дружно поддержали. Мои вялые попытки отправиться в гостиницу проигнорировали. В машине меня сморило, и я отключился.

Сколько прошло времени, я не знаю. Когда я на мгновение пришёл в сознание, то понял, что полулежу в кресле из утрамбованного снега. Поверх моей одежды – огромный тулуп, на ногах валенки, руки в варежках. Рядом стоит походный столик с различной едой и выпивкой. Невдалеке дымит мангал с шашлыками. Звучит гармонь, вокруг веселится много народа, большую часть из которых я ни разу до этого не видел.

Прямо передо мной открывался вид на уходящее в темноту замёрзшее озеро, посреди которого вморожена огромная ель, украшенная новогодними игрушками и электрической гирляндой, переливающейся разными цветами. Как и откуда к ней подведено электричество, не мог даже предположить.

Вокруг этой ёлки на коньках и в меховой лётной куртке нарекает круги Михаил Александрович, в руках у него большой аккордеон с бело-черными блестящими клавишами.

Кто-то крикнул ему:

– Даёшь цыганочку!

Начальник растянул меха и огласил окрестности громкими аккордами кочевой музыки. Обогнув ёлку, он подкатил к столу, чтобы хлопнуть очередную рюмашку, и ушёл на новый круг.

Я понял, что схожу с ума, и отключился окончательно.

Сознание ко мне вернулось только утром. Промежуточные состояния безнадёжно выпали из памяти, сохраняя психику.

Абсолютно голый я лежал в гостиничной кровати, а рядом со мной, прильнув ко мне своими подростковыми фигурками и дыша перегаром, сопели две очень молоденькие блондинки.

Несколько секунд я безрезультатно пытался вспомнить, кто они такие и что здесь делают.

Не пропадать же добру – я дотянулся до телефона и сделал с ними селфи. Потом кое-как собрал свой разрушенный мозг для координированного движения и отправился в душ. Через полчаса водных процедур я, хоть и с трудом, начал понимать, где я, с кем я, кто я.

Вернувшись в спальню, я идентифицировал девушек как сотрудниц отдела обслуживания клиентов. Выходит, в каком-то смысле меня не обманули.

Я сделал попытку вспомнить, было ли у меня с ними что-то или нет, но не смог.

Тогда решил разбудить девчонок:

– Эй, красавицы, просыпайтесь! Солнце уже высоко!

Недовольные ранним подъёмом девицы начали продира́ть заспанные глаза с потёкшими ресницами, потягиваясь и ничуть не стесняясь своей наготы. Похоже, они ещё пьяны.

Одна смогла сфокусировать на мне взгляд и, лукаво улыбнувшись, спросила:

– Милый, а ты нас покормишь?

– Конечно, моя прелесть. А ты мне за завтраком расскажешь, что это было.

Я заказал в номер завтрак на троих, и пока дамы приводили себя в порядок, оделся. Для того, чтобы позднее иметь возможность разобраться во всех событиях вчерашнего дня, включил диктофон на телефоне и положил его в нагрудный карман пиджака.

Нимфетки выпорхнули из ванной комнаты, полностью преобразившись, в макияже, достойном вечернего приёма, но никак не завтрака в узком кругу.

Их гардероб не оставлял никаких сомнений относительно трудового поприща – при такой длине юбок лучше не нагибаться. Это выгодно подчёркивало их достоинства, прежде всего ошеломительной красоты ноги, начинающиеся почти от шеи.

Несколько лет тому назад я сделал статистическое наблюдение – все известные мне девушки с красивыми ногами отлично устроились в жизни, чего нельзя было сказать про девушек с большой грудью. У последних бывали сбои, у первых – никогда. У моих спутниц ноги были идеальным примером «семи окошек», и непонятно, зачем они занимались проституцией. Они спокойно могли бы найти себе нормальных мужей или в крайнем случае папиков.

Мы сели завтракать. У девушек был отменный аппетит и отличное настроение. Мы много шутили и смеялись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.